

МАКСИМ КОНЧАЛОВСКИЙ: «ПРОЯВИТЬ СВОЮ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ...»

Имя Максима КОНЧАЛОВСКОГО знакомо многим любителям искусства: вот уже два десятилетия представитель славной семьи Кончаловских ездит по стране с популярными концертными программами, его телевизионные передачи обрели своих зрителей, концепция синтеза искусств — последователем. Недавно Максим Кончаловский возлагивил новое учебное заведение. В его уставе говорится: «Академия изящных искусств ставит перед собой трудную, но благородную задачу — воспитать и взрастить в своих стенах молодое поколение российской интеллигенции — художников, музыкантов, театральных деятелей, просветителей, сочетающих в себе высокую культуру и образованность с высоким профессионализмом, дать каждому из них возможность проявить неповторимые черты своей индивидуальности...»

— Максим Владимирович, телезрители и зрители, посещающие ваши выступления, привыкли видеть вас в качестве исполнителя концертных программ, где объединены разные виды искусства — музыка, живопись, поэзия и все остальные: «Дом поэта», посвященный Максимилиану Волошину, — с использованием музыки Шуберта и Скрябина, прозы Цветаевой; «И.С.Бах — Микеланджело»; «Бетховен. Роден. Рильке»; «Врубель. Блок. Скрябин»...

— Я считаю, что узкий профессионализм в искусстве — по большому счету — вредит. Опыт показывает, что так было в самые лучшие эпохи искусства: Леонардо да Винчи, Микеланджело... В наш век — Лорка, Пастернак...

— Ваши концертные программы были действительно популярными. Помните, в 80-е годы, путешествуя по стране, я встречал афиши с выступлениями Максима Кончаловского в буквальном смысле везде — от Бреста до Курил...

— Показав около 20 программ во многих городах страны, я заметил, что в каждом городе у меня появилась своя публика. Ее волновали те идеи, которые я стремился провести в своих программах. Общение с таким заинтересованным слушателем и зрителем подсказало мне идею создать учебное заведение, где можно было бы преодолеть узкую специализацию наших людей искусства. Ведь не секрет, что наши музыканты не интересуются живописью, живописцы — музыкой и т.д. Я не говорю о единицах, которые в силу своего таланта или образования являются исключением. Но большая часть деятелей культуры имеет ограниченное представление об искусстве. Знать-то, может быть, и знают, но не чувствуют. Я решил создать АКАДЕМИЮ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ. Ядром этого учреждения являются студенты, обучающиеся на нескольких отделениях Академии: искусствоведения, живописи, музыки, театрального искусства, журналистики, литературы... Вот те профессии в искусстве, специалистов по которым мы хотим выпускать из нашей Академии. В отличие от ГИТИСа, консерватории, Суриковского училища и т.д. у нас все студенты получают общеобразовательное образование — довольно подробное и глубокое. Все студенты изучают историю театра (независимо от того, художник ли он, музыкант...), историю искусства, историю религии, русскую словесность, зарубежную литературу, оперное искусство — такого предмета нет ни в одном вузе России. У нас же каждую неделю должно быть обязательное для всех прослушивание опер, поставленных в «Ла Скала» и других театрах Запады лучшими режиссерами мира и исполненных лучшими вокалистами — с такими дирижерами, как Аббадо, Караян. Такие видеозаписи сейчас стали редкими... Наши студенты прослушивают оперы, после чего сдают экзамены. Причем заметьте, это не музыканты — служители других муз. Как показывает опыт, уже за первый год обучения наши студенты делают грандиозные успехи в оперном образовании и так ориентируются, как дай Бог некоторым взрослым специалистам. Таким образом, наши студенты — это будущие просветители, которые призваны уничтожить белые, а правильнее — серые пятна в на-

шей культуре, связанные с узкой профессионализацией. Надеемся, что их преподавательская деятельность в колледжах и гимназиях, выступления с концертными программами и лекциями сдвинут воз с места. Их судьба зависит от них самих. Наша задача — сделать из них образованных людей (в первую очередь) и тонких профессионалов в своей области.

— Каким образом можно поступить в АКАДЕМИЮ ИСКУССТВ?

— Мы принимаем в Академию без возрастных ограничений. Сначала надо пройти собеседование, которое представляет собой не просто разговор, но и своеобразное тестирование: абитуриент вытаскивает билет с 12 вопросами по разным видам искусства — литературе, музыке, философии... Вопросы достаточно простые, но показывающие и доказывающие, что наша школа абсолютно не готовит к ответам на них. Результат в какой-то мере учитывается, но решающим не является. Затем все абитуриенты допускаются к экзаменам по специальности.

— Даже те, кто не прошел тестирования?

— Даже и такие: был случай, когда девочка не знала ни одного произведения Пушкина, а потом на «отлично» писала замечательный репортаж и поступала на тележурналистику. Как видим, нельзя «отбрасывать» абитуриента за какое-то незнание — это может привести к большой ошибке. То же самое иногда происходит на экзамене по живописи: приносят рисунки своего детства... Парадоксально, но мы считаем, что **необучение** в художественных школах — в некоторых случаях — идет на пользу нашим абитуриентам: их талант сохраняет свежесть и не заштампован стереотипами. Методы раскрытия творческой индивидуальности очень важны. Не будем говорить о самых лучших учебных заведениях, но практически все наши вузы и училища заштампованы общей сеткой, по которой принимают в обучение. Сыграл, скажем, абитуриент не так какие-то ноты — и его за это не принимают. А может быть, он гораздо талантливее того, кто выполнил все так, как его учили?.. То же самое в живописи: мы принимаем всех. До сих пор в Литературном музее проходит выставка наших студентов — таких разных и непохожих друг на друга, раскрывшихся всего за год обучения в Академии.

— А как обстоят дела с личными пристрастиями преподавателей: если, например, к вам придут ученик Ильи Глазунова и поклонник Казимира Малевича, они будут поступать на равных?

— Покамест к нам не поступали абитуриенты с уже устоявшимися, серьезными пристрастиями к какому-то стилю, роду и направлению в искусстве. К тому же те, кто любит Глазунова, поступают к нему в Академию. У нас пока не было случаев такой «ломки». Главное — мы относимся к каждому нашему студенту индивидуально, рассматриваем его не в качестве строки в списке курса, а как личность.

— Для этого должны быть личностями сами преподаватели...

— Мы подбираем преподавателей не по званиям или чинам. Нам нужны люди разносторонние в своих взглядах и образовании. Это должны быть грамотные, интеллигентные

и, что немаловажно, хорошие, душевные люди искусства. Они должны уметь воплощать в жизнь идею личных взаимоотношений со студентами — с каждым в отдельности. А на такое способны только добрые люди, интересные, настоящие, творческие личности. В живописи у нас преподают два сына замечательного русского художника Александра Николаевича Волкова, который жил в Средней Азии и чья знаменитая картина «Гранатовая чайхана» находится в Третьяковке. А.Н.Волков — представитель русской живописи начала века — лучшей эпохи русского искусства нашего столетия. Его дети — шестидесятники, авангардисты, абсолютно современные художники, продолжающие лучшие традиции... грубо говоря, деревенской русской живописи, а не послереволюционной (хотя и после революции кто-то продолжал работать по-старому).

— Ваш дедушка, например, Петр Кончаловский...

— Это была одна плеяда: Фальк, Лентулов, Машков, Волков, Кончаловский... Кто-то из них дожил до пожилых лет, кто-то не дожид, но все они воспитаны Францией, импрессионизмом, началом века, когда русское искусство шло в чем-то впереди французского... Именно эти традиции, которым учатся прежде всего у Природы, а не у доклада товарища Жданова или постулатов русского национализма, мы возрождаем в Академии изящных искусств.

— Где проходят занятия Академии?

— Мы обитали в столичных музеях: в музее Ермоловой, Литературном музее — в Трубиновском переулке, в музее Герцена на Сивцевом Вражке... Теперь мы занимаемся в единственной в Москве однанадцатилетней художественной школе — неподалеку от метро «Петровско-Разумовская». Эта серьезная художественная школа хотела бы, чтобы мы работали с ней в паре: сначала они готовят учащихся, а затем те поступают к нам и становятся студентами. Наши занятия начинаются в октябре. Впрочем, сейчас мы решили продлить прием в Академию. Прием производится на следующие факультеты: живопись, искусствоведение, театроведение, музыка (вокал, фортепиано, скрипка — любые исполнительские инструменты). У нас покамест нет отделения музыковедения и теоретического факультета. Но исполнительские отделения у нас существуют. Конечно, кроме эстрадных. Только классические отделения — как в консерватории.

— Дискриминация эстрады?

— Это другое искусство. Классика и эстрада — вещи несоместимые. Эстрада, конечно, должна существовать, но человек не может одновременно заниматься эстрадной музыкой и классической. Никогда! Либо то, либо другое.

Кроме этого, у нас есть отделение журналистики. Срок обучения на всех отделениях пять лет: четыре года занимает основной курс и один год дается тем, кто поступает к нам на подготовительный курс. Мы приглашаем к себе школьников одиннадцатых классов, которые сумеют совмещать наш первый курс (для них он будет подготовительным) и школу. Были случаи, когда им это прекрасно удавалось.

Важным моментом является то, что обучение у нас в Академии платное, но могу успокоить: мы не самые дорогие, мы — где-то в середине.

Справки по телефонам: 270-48-39, 201-37-72, 291-44-02.

— Я слышал, что в рамках Академии изящных искусств существует абонементная система.

— Многие вольнослушатели, люди разных возрастов, хотят пополнить свои познания в искусстве. Они будут посещать наши абонементы. Наши лекции и концерты по абонементам будут проходить в нескольких камерных залах Москвы. Доказать абонемент можно также по указанным выше телефонам. Среди лекций и концертов будут мои программы, связанные с синтезом и взаимодействием искусств. Затем будут оперные абонементы: прослушивание опер с небольшой предваряющей лекцией, концерты наших лучших музыкантов — тех, кто еще остался у нас в стране: профессоров консерватории, солистов филармонии, Большого театра и т.д. Отдельные абонементы посвящены музеям мира, русскому театру, истории театра...

Абонемент рассчитан на несколько концертов в течение месяца либо полутора месяцев. Ваш настрой и впечатления не успеют исчезнуть от лекции к лекции. Абонементы — на любого слушателя.

— Если ваш слушатель пришел на абонементную лекцию «Врубель. Блок. Скрябин», а знаком только с Блоком, да и то по школьной программе, что-то слышал о Врубеле и совсем ничего не знает о Скрябине...

— Наши концертные программы составлены с тем расчетом, чтобы человек узнал что-то новое и захотел сам ознакомиться по книгам с эпохой и деятелем культуры. Наши абонементные встречи должны натолкнуть его на предмет разговора и заинтересовать.

— Какую роль в процессе обучения в Академии играет книга? Специального отделения, посвященного книге, в ваших планах не значится...

— Покамест нет. Но мы хотели бы открыть литературное отделение. И для начала хотим посмотреть, кто к нам придет учиться. Пока наибольшим спросом пользуются отделения живописи, музыки, искусствоведения... Во всяком случае, в наших учебных планах книга играет решающую роль, потому что для усвоения знаний надо обязательно работать с книгой. Человек, не знающий поэзию, наверное, будет плохо воспринимать и музыку, и живопись. Поэзия в моих программах занимает равное с музыкой и живописью место. Я говорю о поэзии в широком смысле слова: здесь и проза — если речь идет о прозе Пушкина или Гоголя. Так же, как в понятие «живопись» я включаю и архитектуру, и скульптуру, и прикладное искусство... Более того, мы избегаем учебников. Я всегда говорю своим студентам, что учебник — это справочник, помогающий в том случае, если ты что-нибудь забыл. Нельзя научиться только по учебнику — необходимо изучение первоисточников. По тому же искусствоведению нельзя обойтись без книг Вазари, Альберти, прозы Рильке о Родене... Настоящих искусствоведов, которых можно читать, легко пересчитать по пальцам: об Италии — конечно, Беренсон; наш замечательный Муратов, «Образы Италии», которого сейчас переиздали. Эту искусствоведческую литературу обязательно надо читать!

— А о Риме, наверное, следует читать дневники Стендала?

— Вот именно! Надо стараться находить искусствоведение и музыковедение в хорошей литературе; кстати, некоторые искусствоведы черпали свои сведения оттуда и попросту переписывали.

— Не боитесь ли вы разбросанности интересов: в юности человек хочет все перепробовать, всем перезаниматься...

— Есть занятие каким-то видом искусства — и есть постижение его, приобщение к нему. Заниматься всем под силу только таким титанам, как Леонардо да Винчи. Если человек хочет заниматься всем, не имея для этого способностей, возникает «любительщина». К этому сейчас тоже наметилась тенденция.

— Это уж точно: наши композиторы сами сочиняют слова песен, наши «текстовики» записали, как, впрочем, и танцоры. Наши артисты стали писать книги, поэты ушли в бизнес, кинорежиссеры и телеведущие — в политику, политики (как и спортсмены) — в литературу... Один поэт Осенев с его ежегодным изданием «Тюрменных стихов» чего стоит!

— Все пишут! Марина Цветаева, кстати, рекомендовала записывать все, что приходит в голову, все, что видишь... Но она не имела в виду делание книги: речь шла о том, чтобы записывать для себя!

— А вы не пишете книг?

— Нет, но я всю жизнь — с шести лет — занимаюсь живописью. Если бы я не стал профессиональным музыкантом и не вышел бы на музыкальную «линию», я стал бы художником, а не химиком или физиком...

— Это и не удивительно: имея в роду Петра Кончаловского... Вам сам Бог велел бы это сделать.

— Если же я и напишу книгу, то она будет о том, как я выступал с концертами или создавал Академию изящных искусств.

— Какую книгу Максим Кончаловский — ректор, лектор и ликтор (не знаю, как у вас в Академии с воспитанием розгой!) посоветовал бы сейчас прочитать всей России?

— Сейчас все стали ходить в церковь, все наши правители на Пасху стоят за загородочкой и крестятся...

— Левою рукой...

— Не дай Бог сейчас кому-нибудь сказать: «Знаете, я не уверен, верю я в Бога или нет...» Те же самые люди, которые боролись с верующими, были воинствующими атеистами, тебя поднимут на смех... А главную-то книгу никто из них (включая, по-моему, даже деятелей церкви!) толком, уверен, не читал! Во всяком случае, не думал над ней. Я говорю о Евангелии, в котором все написано! Речь даже не о том, чтобы Евангелие прочитали, — его надо изучить, сделать справочником, настольной книгой...

— Желая удач на просветительском поприще Академии и ее ректору!

Беседовал
Александр ЩУПЛОВ.